

## Северная Корея в период транзита власти в оценках американского политико- академического сообщества (2011–2012)



**Лариса Николаевна Гарусова,**  
доктор исторических наук, профессор,  
главный научный сотрудник Института ис-  
тории, археологии и этнографии народов  
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.  
E-mail: lgarusova@mail.ru

В статье исследуется отношение американских политиков и учёных к процессу смены власти в Северной Корее после смерти её руководителя Ким Чен Ира (Kim Jong-Il) 17 декабря 2011 г. Мнения политико-академического сообщества США весьма дифференцированы. Они варьируются от надежды на модернизацию северокорейского общества и развитие двусторонних отношений между США и КНДР до ожидания усиления милитаризации и агрессивности режима при новом руководстве.

**Ключевые слова:** Северная Корея, транзит власти, стабильность, политика США, денуклеаризация, двусторонние переговоры, безопасность, политика вовлечения.

### **North Korea during the transition of power in the estimates of the American political and academic community (2011–2012).**

**Larisa N. Garusova,** Doctor of Historical Sciences, Professor. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The article investigates the attitudes of U.S. policymakers and academics to the process of handover of power in North Korea after the death of Kim Jong Il December 17, 2011. The opinions of the U.S. political and the academic community are very differentiated. They vary from hope to modernize the North Korean society and develop the bilateral relations between the U.S. and the North Korea to expectation of strengthening the militarization and aggressive regime under new leadership.

**Key words:** North Korea, transition of power, risks, stability, U.S. policy, denuclearization, bilateral dialogue, security, policy of engaging.

**Н**а протяжении двух десятилетий Северная Корея входит в число стран, наиболее значимых для американской внешней политики. Несмотря на то что США никогда не имели с КНДР официальных дипломатических отношений, три последних президентских администрации участвовали в переговорах с Пхеньяном по северокорейским ракетно-ядерным программам, оказывали КНДР гуманитарную помощь и пытались повлиять на ситуацию вокруг Корейского полуострова в целом.

Политика Вашингтона в отношении КНДР варьируется между стратегией вовлечения Пхеньяна в двусторонние/многосторонние отношения и его осуждением как части мировой «оси зла». Транзит власти в Северной Корее, начавшийся после смерти 17 декабря 2011 г. руководителя государства Ким Чен Ира и назначения на ключевые партийно-государственные посты его сына Ким Чен Ына, дополнил устоявшиеся отношения США—КНДР новыми возможностями, надеждами и разочарованиями, которые отразились в суждениях американского политико-академического сообщества и воплотились в реальной внешнеполитической практике Вашингтона.

«Северокорейские интересы» США связаны с тремя основными геополитическими темами: международные отношения в Северо-Восточной Азии, региональная экономика, безопасность. В переговорах по северокорейской ядерной проблеме участвуют не только Соединённые Штаты, но и другие влиятельные региональные державы, включая КНР. Поскольку политические приоритеты Китая и США существенно различаются, то китайско-северокорейское сотрудничество становится фактором, усложняющим взаимоотношения Вашингтона и Пекина. Экономический интерес в политике США на Корейском полуострове также очевиден: в случае международного конфликта с участием Северной Кореи или коллапса правящего режима возможны существенные последствия для региональной и глобальной экономики. Региональная безопасность во многом определяется союзническими обязательствами Соединённых Штатов перед Японией и Республикой Корея. По словам эксперта по делам Азии в Исследовательской службе Конгресса (Congressional Research Service, CRS) Эммы Чанлетт-Эвери, «...двусторонние союзы с Южной Кореей и Японией вменяют Соединённым Штатам в обязанность защищать своих союзников от нападений Севера» [1, р. 4], что в случае регионального конфликта ставит Вашингтон на грань войны.

Военные действия Северной Кореи (потопление южнокорейского военного корабля, обстрел островной территории Республики Корея в 2010 г., периодические запуски ракет и ядерные испытания) заставляют США укреплять союзнические связи с Японией и Южной Кореей, переводя последние в формат трёхстороннего взаимодействия. Создание полноценного стратегического треугольника США—Япония—Республика Корея на месте традиционных двусторонних отношений этих стран, вероятно, завершится в самом ближайшем будущем. По заявлению помощника Госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона Курта Кемпбелла (март 2011 г.), «...эффективное трёхстороннее обязательство в ответ на провокации показывает Северной Корее, что её военные действия натолкнутся на коллективный отпор». Формирование трёхстороннего союза началось на «важной трёхсторонней встрече министров иностранных дел США, Японии, Республики Корея в декабре 2010 г.», когда три страны сделали «...совместное заявление о том, что военные акции КНДР угрожают всем трём странам и будут встречены их единым фронтом» [2].

Тем не менее, признавая проблематичность конструктивного и рационального взаимодействия Пхеньяна и Вашингтона, вряд ли можно утверждать, что США заинтересованы в безотлагательном «крушении» северокорейского режима. Американская элита отдаёт себе отчёт в том, что если нынешняя власть в Северной Корее «падёт под ударами внутренних или внешних сил», то последствия такого «падения» надолго дестабилизируют весь регион. При этом сценарий «падения режима Пхеньяна» полностью не исключается, поскольку «идеальным выходом» из непростой ситуации на Корейском полуострове эксперты CRS, например, считают «...воссоединение Кореи под руководством стабильного демократического правительства» [1, р. 4], имея в виду правительство Сеула.

Центральным объектом внимания Вашингтона являются ракетная и ядерная программы Пхеньяна как главные угрозы региональной и глобальной безопасности. Основным средством нейтрализации северокорейского ядерного вызова США признают денуклеаризацию Корейского полуострова. Экспертное заключение CRS, сделанное в июле 2011 г., подтвердило, что в условиях «катастрофической экономической ситуации в Северной Корее» существует опасность, что «...КНДР будет продавать свои ядерные технологии другим ненадёжным режимам или негосударственным акторам. Эксперты по национальной безопасности бьют тревогу по вопросу о сотрудничестве Северной Кореи с Сирией, Ираном и, возможно, с Бирмой» [1, р. 6—7]. По утверждению старшего советника Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон), бывшего помощника президента США по национальной безопасности, преподавателя Джорджтаунского университета Майкла Грина, атомный реактор в Сирии был построен с помощью инженеров из Северной Кореи. При этом «...Северная Корея так и не поплатилась за участие в создании реактора в Сирии и сегодня сотрудничает с Мьянмой, строя там сеть подозрительных подземных туннелей» [3].

В ответ на обвинения Вашингтона в распространении ядерных технологий в странах с «опасными» режимами Северная Корея требует от США официально признать её ядерной державой. КНДР также настаивает на том, чтобы мирный договор с Соединёнными Штатами предшествовал денуклеаризации страны. Очевидно, что в случае выполнения первого требования Пхеньяна денуклеаризация Корейского полуострова станет практически невыполнимой.

Администрация президента Барака Обамы с 2009 г. проводит в отношении КНДР политику, названную Госсекретарём Хиллари Клинтон «стратегическим терпением». Политика «стратегического терпения» направлена на сохранение самой возможности денуклеаризации Северной Кореи. По словам аналитика CRS Марка Маниина, «стратегическое терпение» — это «...двойственный пассивно-агрессивный подход, который эффективен в качестве политики сдерживания активности Северной Кореи» [4]. Он нацелен на вовлечение КНДР в переговорный процесс с Соединёнными Штатами при условии свёртывания северокорейских ракетно-ядерных программ и улучшения «межкорейских» отношений.

После периода взаимного отчуждения США и КНДР, в 2011 г. в их переговорах наметился прогресс. Диалог между Вашингтоном и Пхеньяном проходил в несколько этапов. В июле 2011 г. в Нью-Йорке на встрече специального посланника США по Северной Корее Стефена Босворта и замминистра иностранных дел КНДР Ким Ке Гвана был восстановлен дипломатический канал, который не действовал в течение 18 месяцев. Затем американские и корейские дипломаты встретились в Бангкоке 21 октября и договорились о возвращении на родину американских солдат-военнопленных, пропавших без вести ещё в Корейскую войну. В Женеве 24—25 октября состоялась следующая встреча, в результате которой обе страны «оказались на траектории», способной привести их к возобновлению многосторонних (шестисторонних) переговоров, прерванных в 2009 г.

Американо-северокорейский диалог достиг новой стадии, когда за день до смерти Ким Чен Ира специальный посланник США по правам человека в Северной Корее Роберт Кинг договорился о возобновлении американской продовольственной помощи КНДР. Соединённые Штаты пообещали предоставить 240 тыс. т продовольствия Северной Корее в ответ на обязательство заморозить обогащение урана на заводе в Йонбене, допустить на ядерные объекты контролёров из МАГАТЭ, а также принять требования США по возобновлению многосторонних переговоров по денуклеаризации [5]. Любопытно, что на этих же условиях две страны возобновили свой диалог уже при новом руководстве КНДР в конце февраля 2012 г. [6].

Смерть лидера северокорейского государства Ким Чен Ира и переход власти к его преемнику, младшему сыну Ким Чен Ыну, не только прервали почти на два месяца американо-северокорейский переговорный процесс, но и оказались наиболее обсуждаемыми событиями рубежа 2011—2012 гг. в мире. Представители американской администрации, политики и учёные активно высказывались о перспективах двусторонних и многосторонних отношений США—КНДР, дальнейшего развития северокорейского общества и проблемах безопасности на Корейском полуострове.

Смерть Ким Чен Ира стала неожиданностью для американских политиков и учёных, но не для крупнейших мировых экспертно-аналитических центров, не исключавших в прогнозах на 2012 г. такой возможности. Например, весьма известная компания, специализирующаяся на оценке рисков, «Бизнес Монитор Интернешнл» (Business Monitor International, BМИ) ещё осенью 2011 г. включила в свой прогноз риск региональной нестабильности, связанный с внезапной смертью Ким Чен Ира. Наряду с риском полномасштабной войны в США, которую способна спровоцировать Северная Корея, эксперты BМИ отметили, что «другой главный риск состоит в том, что Ким Чен Ир может умереть неожиданно, не успев передать своему сыну сильной позиции в существующей иерархии. Это может привести к дестабилизирующей тайной борьбе за власть среди милитаризованного коллективного руководства страны» [7, p. 13]. Данные опасения во многом подтвердились в последующих оценках и прогнозах американских политиков и учёных.

Уже 19 декабря 2011 г., сразу после обнародования известия о смерти Ким Чен Ира, Госдепартамент США сделал заявление, отличавшееся взвешенностью и продуманностью каждого слова. Госсекретарь Хиллари Клинтон выразила надежду на улучшение отношений с Северной Кореей и мирный переход власти в КНДР. «Мы готовы помогать народу КНДР и призываем новое руководство войти в новую эру мира, процветания и безопасности на Корейском полуострове». Отношение Америки к смерти северокорейского лидера Хиллари Клинтон передала весьма деликатно: «Мы глубоко сочувствуем народу Северной Кореи и наши мысли и молитвы — с ним в это трудное время» [8].

По мнению американского эксперта по делам США, бывшего помощника Госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона в администрации Джорджа Буша Эванса Ревере, тщательно подобранные слова в заявлении Х. Клинтон передают «...очень дифференцированное отношение администрации США... к смерти Кима». Госсекретарь США «...использует в обращении последний официальный титул корейского лидера и передаёт корейскому народу размышления и молитвы Америки» [5, р. 5].

Политика США в первые месяцы транзита власти в КНДР была направлена на укрепление союзнических отношений с Японией и Республикой Корея с тем, чтобы совместными усилиями противостоять возможной агрессии Пхеньяна, а также на усиление координации действий с Китаем. Усилия американской дипломатии привели к возобновлению диалога Вашингтон—Пхеньян на условиях, одобренных ещё прежним руководством КНДР. Они не стали «прорывом» или новым шагом в истории взаимоотношений двух стран и свелись к традиционному соглашению «продовольствие в обмен на приостановку ядерной программы».

После смерти Ким Чен Ира своё «неофициальное» мнение относительно будущего Северной Кореи высказали учёные и эксперты из американских университетов и исследовательских центров, многие из которых в недавнем прошлом являлись действующими политиками. Взаимосвязь американского академического и политического сообществ напрямую отражается на приоритетах и методах внешней политики США.

Самые первые высказывания американских аналитиков после смерти «старшего Кима» в большинстве своём были нейтральными и отражали осторожные ожидания позитивных перемен в Северной Корее. Например, Чарльз Армстронг (Charles K. Armstrong), профессор истории Кореи Колумбийского университета, в интервью CNN 19 декабря 2011 г. дал позитивную характеристику личности Ким Чен Ира, ссылаясь на мнение очевидцев. «Ему определённо недоставало харизмы и выдающихся особенностей личности его отца, но зарубежные политики, встречавшиеся с ним, включая президента Южной Кореи Ким Дэ Чжуна, японского премьер-министра Дзюинтиро Коидзуми, госсекретаря США Мадлен Олбрайт, описывали его как интеллигентного, хорошо информированного и даже обаятельного человека» [9].

Бывший посол США в Республике Корея Дон Грегг (Don Gregg) в статье от 19 декабря для BBC News призывал правительство США к деликатному отношению к новому лидеру КНДР и высказывал надежду, что «Соединённые Штаты примут наследование власти Ким Чен Ыном в вежливой манере настолько, насколько это возможно. Первые отклики в Пхеньяне из Вашингтона, Сеула, Токио и Пекина должны быть тщательно взвешены, поскольку окажут значительное влияние на дальнейшие отношения с соответствующими странами» [10].

Дэвид Кан (David C. Kang), профессор международных отношений университета Южной Калифорнии, в статье для университетского новостного сайта обрисовывал ситуацию в Северной Корее, отметив, что новому правителю Ким Чен Ыну предстоит удерживать власть в весьма не простых условиях. «Страна слабая, бедная и сталкивается на протяжении почти двадцати лет с международным давлением из-за своей ядерной политики, её граждане медленнее узнают что-то новое о внешнем мире, чем это было раньше. В таких условиях неясно, сможет ли какой-нибудь правитель найти приемлемую политику, чтобы решить пугающие внутренние и внешние проблемы, встающие перед Северной Кореей» [11].

На фоне распространённого в США мнения, что Ким Чен Ын обязательно продолжит ядерную программу как средство выживания северо-корейского режима, некоторые учёные выразили надежду на возобновление двусторонних и многосторонних переговоров США с Северной Кореей. Так, директор проекта по безопасности Северо-Восточной Азии при Центре социальных исследований (Нью-Йорк) Леон Сигал (Dr. Leon V. Sigal) заявил, что «благоразумная политика будет состоять в скорейшем возобновлении переговоров, а также проверке готовности Ким Чен Ына... приостановить ядерную и ракетную программы» [12].

Помимо нейтрально-позитивных оценок перспектив, открывающихся перед Северной Кореей в период транзита власти, имели место и негативно-алармистские прогнозы. Автором одного из них является преподаватель Дартмаутского колледжа (Нью-Гэмпшир) Дженифер Линд (Jennifer Lind). В своей статье, опубликованной в журнале *Foreign Affairs* 22 декабря 2011 г., она не только раскритиковала политический режим КНДР, но и спрогнозировала его неизбежный и опасный для всего региона крах.

Линд называет Ким Чен Ира «искусным диктатором», который «...выжил, используя политику насилия (политику кастета) в доведённой до нищеты и ввергаемой в опасности стране». Инструменты управления в Северной Корее, такие как «слежка, лагеря, казни и пытки диссидентов», обеспечили младшему сыну диктатора Ким Чен Ыну возможность наследования власти. В этих условиях «...элита знает, что недовольство Ким Чен Ыном, высказанное даже шёпотом (не говоря уже о попытке переворота), означает смерть для неё самой и суровое наказание для членов семей» [13].

Автор статьи не исключает возможности сохранения нынешнего правящего режима ещё на несколько лет, но это временная отсрочка, за которую народ Северной Кореи заплатит высокую цену. Однако есть и другой сценарий развития событий: вторжение в КНДР вооружённых сил

соседних стран, включая США и, как следствие, развязывание региональной войны в Северо-Восточной Азии. Данный прогноз исходит из неизбежности борьбы за власть внутри северокорейской элиты. «Борьба за власть в Пхеньяне может привести к ужасной нестабильности. Если правительство рухнет, то... население быстро столкнётся с перспективой голода. Нехватка продовольствия вместе с перспективой гражданской войны приведут к появлению огромного числа беженцев. Если беженцы начнут прорываться через китайскую и другие границы, если соседи увидят анархию и массы голодающих в Северной Корее, если контроль над оружием массового уничтожения будет потерян, то другие государства (Китай, Южная Корея и Соединённые Штаты) вторгнутся в страну, чтобы обеспечить безопасность границ, гуманитарную помощь и сохранность ядерного оружия Пхеньяна» [13].

В заключение автор высказывает некоторое сожаление о том, что США и их союзники будут всячески избегать военного вмешательства в дела Северной Кореи. Сеул и Вашингтон «попытаются отдалить коллапс режима», в то же время действуя так, чтобы «сделать этот коллапс, когда он всё-таки произойдёт, менее бедственным». Однако, по мнению Линд, «...вряд ли сохранность режима Ким Чен Ына предпочтительнее его падения» [13], другими словами — не следует ли ускорить его крах. Данное заявление, весьма экстремальное по своей сути, вероятно, следует рассматривать не как призыв к борьбе с КНДР и Ким Чен Ыном, а как некий тест, предназначенный для американской элиты и общества.

В конце декабря 2011 г. CRS обеспечила американских политиков аналитическими справками по ситуации в Северной Корее. Среди них особый интерес представляет доклад Марка Маниина с красноречивым названием «Смерть Ким Чен Ира: последствия для стабильности Северной Кореи и политики США» [4]. В нём автор ответил на вопросы, наиболее интересовавшие в то время американскую политическую элиту. Несколько позже к экспертным заключениям добавились академические исследования аналогичной тематики, отражавшие широкий спектр мнений американского научного сообщества.

Как и другие учёные и политики, Марк Маниин уверен, что Северная Корея является одним из наибольших «вызовов» внешней политике США по ряду причин. Среди них — производство ядерного оружия и ракет, угроза нападений на Южную Корею, нарушение прав человека и вероятность того, что «её внутренние проблемы могут дестабилизировать Северо-Восточную Азию». Поэтому известие 19 декабря 2011 г. о смерти «дорогого руководителя» Ким Чен Ира вызвало надежду на позитивные перемены в стране и «...могло бы стать неким водоразделом в истории Корейского полуострова и региона» [4, р. 1].

Автор доклада подчёркивает, США и Южная Корея заинтересованы в сохранении стабильности в КНДР. Вашингтон опасается, что в период транзита власти, во-первых, может быть потерян централизованный контроль Пхеньяна над ядерными материалами; во-вторых, новое руководство «подхлестнёт» милитаризацию страны; в-третьих, «...вакуум вла-

сти может втянуть американские, южнокорейские и китайские войска в Северную Корею» [4, р. 2].

Аналогичных взглядов придерживается профессор Джорджтаунского университета, бывший директор по делам Азии в Совете национальной безопасности при президенте США, Виктор Ча (Dr. Victor Cha). По его словам, для США «...хуже, чем ядерная Корея может быть только одно — режим без руководителя, без жёсткого контроля за ядерным арсеналом». Поэтому, если северокорейский режим не сможет спасти себя от развала, политики должны иметь «запасной» план на случай «loose nukes» — катастрофы, связанной с утерей ядерного оружия и/или передачей его в «плохие руки», например террористам [14].

Марк Маниин задаётся вопросом, беспокоящим многих политиков и учёных, о возможности триггерного эффекта смерти Ким Чен Ира. Другими словами, не приведёт ли это локальное, по сути, событие к масштабным результатам, в том числе краху северокорейского режима со всеми вытекающими последствиями? Он прогнозирует, что в ближайшие месяцы в Северной Корее одновременно будут действовать две тенденции — стабилизирующая и дестабилизирующая. «Похоже, что эти взаимосвязанные тенденции будут доминировать до тех пор, пока члены правящей элиты группируются вокруг Ким Чен Ына» [4, р. 2].

О пределах стабильности северокорейского режима также задумывается и Эванс Ревере. По его мнению, смерть Ким Чен Ира подняла важный вопрос о «долгосрочной стабильности» КНДР. Страна живёт в условиях изоляции, международных санкций, ухудшающегося состояния экономики. «Железной рукой старшего Кима Север управлялся в условиях этих и других вызовов в течение 17 лет, но сейчас появился хороший повод спросить, как долго неопытный наследник и его советники сумеют сохранить всё это» [5, р. 5].

По мнению американских аналитиков, северокорейский режим будет поддерживать единство и сплочённость, по крайней мере, до апреля 2012 г., когда страна планирует отпраздновать 100-летнюю годовщину со дня рождения своего основателя Ким Ир Сена. «Однако через какое-то время лишь немногие будут удивлены возрастанием напряжённости между центрами власти в политической системе Северной Кореи» [4, р. 2].

Тенденция к стабильности в Северной Корее проявляется разнообразно, в том числе и через демонстративную лояльность элиты (партийных и военных функционеров) «молодому преемнику». Данная тенденция была целенаправленно «подготовлена» ещё самим Ким Чен Иром, поэтому переход власти к Ким Чен Ыну — это отнюдь не случайность. Так, по мнению Маниина, «...два Кима имели в своём распоряжении более двух лет, чтобы создать наследство Ким Чен Ыну посредством устранения потенциальных оппонентов, поддержки лоялистов, а также обезопасив его назначение на ключевые посты и получив благословение Китая для перехода власти от отца к сыну» [4, р. 3]. Тем самым эксперт Конгресса фактически признаёт наличие продуманного плана транзита власти в Северной Корее.

Абсолютно противоположной точки зрения придерживается Виктор Ча. Он иронично замечает, что «...если кто-нибудь думает, что северные корейцы имели готовый план преемственности власти после смерти Кима, значит, они начитались шпионских рассказов времён холодной войны. Только подумайте, в обществе Северной Кореи какой-то лидер мог сказать: «Эй, давайте составим план наследования власти после смерти Ким Чен Ира»? И это там, где не вытертая пыль на портрете Ким Чен Ира могла привести вас в лагерь (gulag)» [14].

Мнения Ревере и Маниина совпадают в определении политической опоры нового северокорейского лидера. Оба автора видят её в традиционных институтах власти — военной и партийной элите, а также в семейно-клановых связях. Ревере пишет: «Вашингтон понимает, что два ключевых института в Северной Корее — военные и партия — оба одобряют лидерство молодого Кима, прежде всего потому, что он сын своего отца и принимая в расчёт, что вся политическая легитимность в КНДР происходит из всеобъемлющего значения родственных связей» [5, р. 5].

Силу и стабильность существующего режима Маниин видит в том, что после смерти Ким Чен Ира северокорейское правительство оказалось способным поддерживать секретность данного события и обеспечить передачу власти без каких-либо затруднений в течение 50 часов. За это время была перекрыта граница с Китаем, закрыты некоторые рынки и извещены члены правящей элиты. «Тот факт, что режим был в состоянии осуществлять все эти операции, поддерживая секретность, и управлять механизмом передачи власти без какого-либо крупного затруднения, является индикатором сохранившейся власти государственного аппарата, который унаследовал новый лидер» [4, р. 4].

В основе тенденции к сохранению стабильности лежат особенности северокорейской элиты, существование которой напрямую связано с режимом. Представители элиты заинтересованы в поддержании строя, «обогадившего» их. «Напротив, неожиданный коллапс власти может привести к потере правящими классами богатства, привилегий и в некоторых случаях — даже жизни. Легитимность и долговременное существование режима Ким Чен Ына напрямую связаны с его способностью продолжать снабжение семей элиты деньгами и подарками» [4, р. 4].

Доступ нового правительства к иностранным субсидиям, фондам и гуманитарной помощи — это гарантия его выживания. Такое положение дел во многом объясняет, почему новый руководитель Северной Кореи, несмотря на всю свою антиамериканскую риторику, согласился на условиях США получить 240 тыс. тонн продовольственной помощи в феврале 2012 г. [6]. Однако более значимым для КНДР «спонсором» является Китай. Его обширная экономическая помощь мешает Вашингтону проводить жёсткую политику давления на Пхеньян и добиваться уступок по ядерным и иным проблемам.

Некоторые американские эксперты возлагали надежды на некий «демократический потенциал» молодого северокорейского лидера, связанный с его европейским образованием и знакомством с западными цен-

ностями. Предполагалось, что «короткий период жизни молодого Кима во время его обучения в средней школе в Швейцарии, где он... изучал демократические политические системы и выборы в США, мог бы сделать его более просвещённым руководителем» [14]. Однако Виктор Ча и Эванс Ревере не питают иллюзий ни насчёт реформаторского потенциала Ким Чен Ына, ни насчёт восприимчивости политической среды в Северной Корее к демократическим ценностям. Ревере утверждает, что «даже, если Ким Чен Ын испытал влияние Запада во время своей молодости, его знание иностранных языков, его знакомство с некоторыми аспектами западной культуры (всё то, что могло бы сработать на него как на реформатора), он всё равно столкнётся с системой, которая глубоко не желает изменений и, возможно, не способна к ним» [5, p. 14].

В свою очередь, Виктор Ча весьма убедительно обосновывает причины, по которым невозможна демократизация или даже простое реформирование северокорейского общества. Во-первых, «...мы не знаем, кто действительно является руководителем Северной Кореи»; во-вторых, глубокие изменения требуют «сильного и прозорливого лидерства — как Дэн Сяопина в реформах модернизации или Михаила Горбачёва в перестройке»; в-третьих, «китайцы пойдут на всё» в отношении Северной Кореи, чтобы предотвратить «преждевременный коллапс коммунистического брата» на своём северо-восточном фланге. «Но чтобы ни делал Пекин, он не сумеет превратить мальчика двадцати с чем-то лет в северокорейского Дэн Сяопина»; в-четвёртых, в Северной Корее после смерти Ким Чен Ира заметно возросла роль партийной элиты и военных. И пока не видно, чтобы эти две группы придерживались идеологии, «ведущей к открытию внешнего мира»; в-пятых, небезопасные режимы, такие как северокорейский, в середине процесса транзита власти имеют тенденции к усилению жёсткости, а не к либерализму. Новая идеология, создаваемая под Ким Чен Ына «более жёсткая и консервативная», чем была при его отце — то, что «мы определяем как *неочучхе консерватизм*» [14].

Вторая, «дестабилизирующая» тенденция развития северокорейского общества, способная привести его к краху или модернизации, также подробно исследуется американскими экспертами. Марк Маниин выявляет главный фактор формирования новых социальных отношений в КНДР — это зарождение рыночной экономики на базе уже существующих легальных и полулегальных рынков. Он заявляет, что «два десятилетия хронической нехватки продовольствия (пик которой пришёл на голод в конце 1990-х гг., убивший около 5—10% из 22-миллионного населения страны) привели к появлению официальных и нелегальных рынков, на которых простые корейцы находят продукты для себя и своих семей» [4, p. 3].

К аналогичным выводам приходит и Виктор Ча. По его мнению, Ким Чен Ир оставил своей стране в наследство не только ядерное оружие, но и рынки. Отказавшись в 2002 г. от государственной распределительной системы, Ким Чен Ир позволил голодающим северным корейцам «полагаться на самих себя», что привело к созданию рынков, где люди покупали

и продавали товары, чтобы выжить. Даже после того как правительство восстановило распределительную систему, оно не смогло «раздавить» рынки, которые стали нелегальными. «Источники сообщают, что сегодня люди получают около 60% необходимого для жизни с рынков» [14].

Поскольку стабильность любого тоталитарного общества базируется на его самоизоляции, то с появлением у северных корейцев пусть и ограниченного доступа к информации о внешнем мире деформация режима становится делом времени. На этот дестабилизирующий фактор указывают некоторые американские аналитики. Так, по словам Марка Манина, в конце 1990-х гг. многие корейцы оказались «...выброшенными из своей страны во внешний мир». Сегодня, самые «...предприимчивые из них ездят в Китай, имеют собственные сотовые телефоны, доступ к иностранному радио и телевидению, возможность покупать иностранные товары и продовольствие» [4, р. 3].

Фактором нестабильности в КНДР может стать перемещение центров власти внутри самой правящей элиты, равно как и переход от единоначалия к коллективной форме правления. Манин не упускает из вида и эти детали. По его словам, «...возможно появление коллективной форма лидерства, вероятно, с центром в Национальном комитете обороны, представленным Ким Чен Ыном. Другая возможность состоит в том, что больше влияния перейдёт к коммунистической партии (официально называемой Трудовой партией Кореи), где, как считают многие обозреватели по Северной Корее, Ким Чен Ын имеет прочную опору» [4, р. 3].

Однако все эти факторы дестабилизации режима и трудно просматриваемые перемены в обществе вряд ли стоит переоценивать. Они не в состоянии «взорвать» Северную Корею изнутри, взбунтовать население и свергнуть диктатора, т.е. повторить «Арабскую весну» 2011 г. Виктор Ча отвечает категорическим «нет» на вопрос «Возможна ли после смерти Ким Чен Ира революция в Северной Корее, подобная Арабской весне?». По мнению аналитика, исчерпывающий ответ на вопрос о стабильности режима Пхеньяна был дан ещё в 1990-е гг., когда Северная Корея «выжила», столкнувшись с критичными для себя испытаниями. «Распад Советского Союза, резкое сокращение помощи покровителя — Китая и натиск голода, убившего сотни тысяч людей, — всё это стало проверкой КНДР на прочность, режим выстоял, несмотря ни на что». На этом основании автор уверенно заключает: «Предположение о возможности Арабской весны имеет весьма незначительное отношение к КНДР» [15].

В условиях сосуществования двух взаимоисключающих тенденций в северокорейском обществе (стабильности и дестабилизации) усложняется задача формирования оптимальной внешней политики США в отношении КНДР. В большинстве своём американские эксперты видят два её возможных вектора: первый — усиление давления на северокорейский режим, аналогичный тому, что прогнозировала в своём исследовании Дж. Линд. Такая политика основана на уверенности, что КНДР уже никогда не откажется от ядерного оружия, поэтому переговоры с Пхеньяном на предмет денуклеаризации Корейского полуострова бессмыслен-

ны. Схожей позиции придерживается и Виктор Ча. Он весьма невысоко оценивает американо-северокорейские переговоры, называя их «бесплодными», и выражает уверенность, что с падением правящего режима в Северной Корее надобность в подобных переговорах отпадёт сама собой. «Эта система не сможет удержаться, и чем надеяться на то, что транзит власти не воспрепятствует замыслу США вернуться к очередному бесплодному циклу переговоров по денуклеаризации, следует быть готовым к моменту истины, который наступит для диктатуры тёмного королевства» [14].

Второй путь — поиск возможностей для вовлечения Северной Кореи в диалоговый процесс с Соединёнными Штатами и их союзниками. Его сторонниками являются Марк Маниин и Эванс Ревере. Цель политики «вовлечения» — ограничение ядерных возможностей Пхеньяна. По мнению Марка Маниина, «...без такого вовлечения северокорейское ядерное оружие и ракеты будут развиваться бесконтрольно. Вовлечение сможет послужить, по крайней мере, средством более медленного ядерного и ракетного развития Северной Кореи в том случае, если окончательная цель денуклеаризации не будет достигнута в ближайшем будущем» [4, р. 5].

В возобновлении двусторонних переговоров между США и КНДР, а в перспективе и шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Эванс Ревере видит главную задачу современной внешней политики США. По его мнению, «...интерес США в возобновлении переговоров с Северной Кореей движется беспокойством о том, что в отсутствие переговорного процесса практически нет способа удержать Северную Корею от развития её ядерной и ракетной программ» [5, р. 8].

Практически всё американское политико-академическое сообщество уверено, что «цивилизованное» сотрудничество с Северной Кореей возможно только в условиях трансформации её правящего режима. Такую трансформацию обеспечит политика «разрушительного вовлечения». Она рассчитана на длительный срок и включает в себя меры подрыва режима изнутри — через демонстрацию преимуществ западного образа жизни, «распространение в КНДР совместных предприятий, иностранного радиовещания, наполнение северокорейских рынков южнокорейскими цифровыми медийными средствами и налаживание обменных программ с США и Южной Кореей» [4, р. 6].

Можно предположить, что современная американская политика в отношении Пхеньяна будет варьироваться между стратегиями «вовлечения» и «давления». При этом опыт американо-северокорейского переговорного процесса свидетельствует о недостаточной эффективности для США сложившихся подходов. Диалог двух стран, возобновлённый в феврале 2012 г., вряд ли можно считать успешным для Вашингтона. Северокорейский режим, получив гуманитарную помощь, так и не отказался от своих ракетно-ядерных проектов, что позволяет ему перегруппировать силы, укрепить позиции нового лидера и успешно завершить транзит власти в стране.

## ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Chanlett-Avery E. North Korea: U.S. Relation, Nuclear Diplomacy, and Internal Situation. Congressional Research Service (CRS). CRS Report for Congress. Prepared for Members and Committees of Congress. R 41259. June 17, 2011. 21 p. <http://www.crs.gov>.
2. Campbell Kurt M. U.S. Strategic Framework for Engagement in the Asia-Pacific region. Kurt M. Campbell Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. Washington, DC, March 31, 2011. <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/03/159450.htm>.
3. Green Michael J. Pyongyang's Options after Kim Jong Il. The Hermit Kingdom's Quest for Continuity // Foreign Affairs. December 19, 2011. <http://www.foreignaffairs.com/articles/136965/michael-j-green/pyongyangs-options-after-kim-jong-il>.
4. Manyin Mark E. Kim Jong-Il's Death: Implications for North Korea's Stability and U.S. Policy. Congressional Research Service (CRS). CRS Report for Congress. Prepared for Members and Committees of Congress. December 22, 2011. 12 p. <http://af.attachmail.ru/cgi-bin/readmsg/R42126.pdf?rid=3782942615310839364034754739403727958623&file=R42126.pdf&id=1327622451000000918;0;1&mode=attachment&channel>.
5. Evans J.R. Revere. Re-Engaging North Korea After Kim Jong-il's Death: Last, Best Hope or Dialogue to Nowhere? Foreign Policy at Brookings. Policy Paper Number 29, January 2012. The Brookings Institution, Washington, D.C. 22 p. [http://www.brookings.edu/papers/2012/0111\\_north\\_korea\\_revere.aspx](http://www.brookings.edu/papers/2012/0111_north_korea_revere.aspx).
6. Statement by Victoria Nuland, Spokesperson. U.S.-DPRK Bilateral Discussions. Press Release. February 29, 2012. [http://seoul.usembassy.gov/p\\_pr\\_022912.html](http://seoul.usembassy.gov/p_pr_022912.html).
7. North Korea Defence & Security Report 2012. Business Monitor International Ltd. London. New York. 62 p.
8. Congressional Research Service. CRS Report for Congress. R 42126. Attachment. December 22, 2011. <http://www.crs.gov>.
9. Charles Armstrong, in a December 19 op-ed for CNN, reviews the enigmatic life of Kim Jong-il <http://www.ncnk.org/resources/news-items/ncnk-briefing-book-after-kim-jong-il/ncnk-members-articles-and-interviews>.
10. Don Gregg, former US Ambassador to the ROK, argues for a coordinated response in a December 19 op-ed article for BBC News. <http://www.ncnk.org/resources/news-items/ncnk-briefing-book-after-kim-jong-il/ncnk-members-articles-and-interviews>.
11. David Kang, in a December 19 news release for USC, discusses Kim Jong-un's background and the challenges he will face. <http://www.ncnk.org/resources/news-items/ncnk-briefing-book-after-kim-jong-il/ncnk-members-articles-and-interviews>.
12. Leon Sigal, in a December 21 article for The National Interest. <http://www.ncnk.org/resources/news-items/ncnk-briefing-book-after-kim-jong-il/ncnk-members-articles-and-interviews>.
13. Lind Jennifer. Kim Jong Un Takes the World's Worst Job. The Downside of Stability in North Korea. Foreign Affairs. December 22, 2011. <http://www.foreignaffairs.com/articles/136987/jennifer-lind/kim-jong-un-takes-the-worlds-worst-job>.
14. Cha Victor, Kim Elen. Cha Victor, Kim Elen. US-Korea Relations: Death of Kim Jong Il // Comparative Connections. A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations. January 2012. [http://af.attachmail.ru/cgi-in/readmsg/1103qus\\_korea.pdf?rid=7289735732635339858556394296799049061&file=1103qus\\_korea.pdf&id=1327622451000000918;0;3&mode=attachment&channel](http://af.attachmail.ru/cgi-in/readmsg/1103qus_korea.pdf?rid=7289735732635339858556394296799049061&file=1103qus_korea.pdf&id=1327622451000000918;0;3&mode=attachment&channel).
15. Cha Victor D., Anderson Nicholas D. A North Korean Spring? // Washington Quarterly, December 2011. <http://aa.usembassy.or.kr>.